

НАСТЕЖЬ

The background is a dark, atmospheric painting. In the center, a man with a pale, gaunt face and wild, dark hair is shown from the chest up. He is wearing a dark, heavy coat and has both hands pressed against his ears, as if trying to block out sound. His expression is one of intense distress or fear. The background shows a desolate, snowy town with a church spire in the distance and a man pushing a cart. Several ravens are flying in the sky, adding to the ominous and dark mood of the scene.

ЗАКРЫТЫЕ

УШИ

Тюркер Дэниз

Дэниз Тюркер

Настежь закрытые уши

«Автор»

2026

Тюркер Д.

Настежь закрытые уши / Д. Тюркер — «Автор», 2026

Мир всегда говорит или всегда молчит. Он непостоянен, ворчлив, смешон до неловкости и жесток без всякого предупреждения. Иногда он шепчет так тихо, что приходится склоняться к самой земле, а иногда кричит прямо в лицо, будто всю жизнь ждал удобного случая. Но что делать человеку, если видеть уже недостаточно? И слышать - тоже мало? Если за каждым звуком прячется что-то ещё: не мысль, не чувство, не истина, а странная, живая помеха, без которой невозможно понять ни себя, ни других? «Настежь закрытые уши» — книга о человеке, который однажды заподозрил, что за шумом жизни скрывается нечто большее, чем она сама.

© Тюркер Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дэниз Тюркер

Настежь закрытые уши

Глава 1

"Не открывай глаза", - подумал я

"Это всего лишь сон." Капли пота струились со лба. Язык понемногу немел, а мысли мельтешили, пытаюсь скомкаться хоть в одну связную человекоподобную конструкцию. Из всех органов чувств, в этот миг напрягался только нос. Конечно только он: едко медикаментозный запах впивался в ноздри и будто первым сообщал телу о надвигающемся ужасе. Уши, напротив, словно завяли. Сквозь их оцепенение пробивались лишь едва различимые голоса птиц за окном - те самые утренние звуки, которые так радуют и обещают начало нормального дня. После этого я точно пойду слушать этих пернатых созданий.

Просто слушать - без запаха лекарств, без скрежета инструментов, без необходимости держаться за крупички самообладания.

Вкусовые рецепторы словно обожгли кипящим маслом, но открывать глаза я все равно не хотел. Кто-то из философов ведь наверняка говорил: если я чего-то не вижу, оно хотя бы на миг перестает существовать. Вдруг все это - лишь издевательство множественной труппы актеров: они подносят мне нашатырь, подставляют под локти удобное кресло, разыгрывают чужую боль и все мое тело принимает один сплошной обман за действительность?

Как хорошо, что сегодня вторник пятнадцатого числа, самый знаковый день боли и страданий. Я так долго готовился к этому: выпил несколько таблеток обезболивающего, согласовал месячный бюджет и наконец решился. Прийти к стоматологу.

Конечно, я записался к нему за полгода, чтобы как можно сильнее отсрочить этот неприятнейший момент. До похода к нему я бесконечно выбирал пищу, не позволял сладкого, чаще начал чистить зубы, старался исключить все, что могло раздражать и без того большую часть головы.

Я хочу оказаться правым! Думайте, что хотите: будет это правда или наоборот ложь. Тем не менее я выиграю. Я всегда выигрываю.

За все время процедуры я ни разу не открыл глаз. В этом было что-то детское, почти постыдное: взрослый человек, двадцать лет проработавший в больнице, лежит зажмурившись и торгуется сам с собой, как ребенок под одеялом. А вдруг все это фарс и никакие сверла не приближаются. Я же не знаю в какой руке у врача сверло,- можно притворяться еще несколько секунд разумным существом.

Звуки же не стали притворяться. Они переполняли меня изнутри. Цеплялись за нервы зубов и карабкались все выше к мозгу. Скребли мои нервы, играли ими как плохо настроенными инструментами и нарушали всякую мысль о спокойствии. А Запах всех этих "-oley" и "-минов" настолько перемешался в моей голове, что хотелось не дышать. Но инстинкты, все равно возвышаясь надо мной, отключали голову, и я понемногу начинал дурнеть. В течение всей процедуры я думал обо всем, только не о текущем моменте. Мозг заботливо доставал из тьмы самые забытые детские воспоминания: катание на руках папы, запах котлет на кухне и мокрого асфальта после дождя. Он делал все лишь бы не возвращаться туда, где ему сейчас сверлили фундамент собственного дома. В надежде достать самые счастливые моменты жизни и утонуть в них.

Как вы уже догадались, это не получилось.

Боль возвращала меня в метающиеся мысли, заставляла смотреть на нее и чувствовать ее. К сожалению, на нее закрыть глаза не удастся. И никакой опыт, никакая профессия или философия не сделает ее мягче.

Возможно именно поэтому, наблюдение за поведением больного так сильно меня заботит по сей день. Это проклятое чувство не становится понятнее, если смотришь на него через лица других людей уже двадцать лет. Не становится благороднее, если знаешь каждый нерв и кость в своем теле. Поэтому она такая страшная.

А теперь лежал сам - с онемевшим языком, мокрой спиной и закрытыми глазами. Впервые за долгое время я не наблюдал со стороны. Я был им.

И все это время в кресле самого злого и ненавистного направления во всей медицине-стоматологии - в голове проносятся сотни глупых и абсурдных вопросов. Что чувствует человек приходя в больницу? Зачем здоровые приходят и обследуются каждый месяц? А тот, кто пришел в первый раз за пятнадцать лет сразу получил смертный приговор. Может наоборот в больницу приходят не больные, а здоровые - узнать, сколько здоровья еще осталось?

Зачем задаваться такими вопросами? Казалось бы, человек болен - значит, его надо лечить.

Дурацкие мысли. Зачем вы мне вплетаетесь в голову сейчас?

-Я лежу на этом проклятом кресле уже третий час. Нельзя ли побыстрее? - спросил я, стараясь придать голосу уверенности, но из-за анестезии он больше напоминал просьбу утопающего.

-Ага, конечно, год откладывает, теперь жалуется, ты же сам понимаешь, что расколол свои зубы до основания, сейчас уже последний слой раствора накладываю, под ультрафиолет - и готово. Прикус тебе настраивать не будем, сам сточишь. В этом ты мастер.

Слава богу, это мучение закончилось. Челюсть с непривычки закрывалось со скрипом и боль от укола анестезии беспокоила больше всего остального. Я приоткрыл глаза и увидел все то, что было в кабинете перед тем как сесть в кресло. Нет никакого чувства такта даже описывать этот кабинет пыток. Разумеется, обменяться приятными колкостями с моим мучителем мне не удалось: добрая часть моего лица онемела и сухость во рту все так же прогоняла слюну.

Поэтому ответить я решил ему завтра.

Я вышел из одурманенного препаратами кабинета. Ноги еле тащились по земле, но больше меня беспокоила онемевшая часть лица - словно пришитая, чужая, забытая снабдиться нервами.

Дверь в открытый мир наконец распахнулась предо мной.

Сине-голубое небо. Именно такого цвета оно было всегда. Тогда почему сейчас мне казалось, что оно стало каким-то другим оттенком синего, другой глубины, может голубым?

Неужели, проведя так мало времени запертым в четырех стенах, я уже начал понемногу сходить с ума? Я помнил, что небо было другим. И деревья - не такими зелеными. Конечно, стоило пенять на бесконечный цикл смешивающихся порошков, которыми меня пичкали, чтобы я не чувствовал боли. Теперь, разумеется, я буду думать, что схожу с ума. Или того хуже.

Поэтому среди всего потока глухого и мутного сознания, мне пришла превосходная мысль: присесть.

Необходимо было присесть.

Я провел около часа держа свою голову запрокинутой назад под собственным весом. Мысли плыли в спокойном заданном препаратами темпе; тело все еще ежилось и кололось, пытаясь достучаться до соседа сверху.

Но внезапный детский хохот и стук мяча прямо за спиной начали раздражать до ужаса. Резкие живые звуки слишком быстро влетели в мою систему координат. Я реагировал медленнее обычного, поэтому в своем бреде я поплелся чуть дальше - в чашу деревьев, где нет детских площадок. Где, как хотелось верить, было спокойствие.

Меня интересовала лишь малая доля осознанности, которой мне так не хватало в эту секунду. Я сел почти машинально, главное на какую-то возвышенность. Мое сгорбленное, неоформленное тело старалось держаться в пространстве так безрассудно и рьяно, что сидел не человек, а ком. Только потом мои глаза соединились с разумом, и я заметил, что сижу на старой лавке: без спинки и тремя балками соединенных маленькими арками. Я помню такие в детстве. Страшно подумать, сколько раз она должна была согнуть, но до сих пор выдерживает человека с его проблемами.

И тут мой мозг пронзило гарпуном. Или чем-то менее острым.

Я обещал себе послушать прекрасных созданий, живущих на деревьях.

День выдался на редкость удачным: было приблизительно двадцать пять градусов по Цельсию, солнце изредка пряталось за облаками, мягкий легкий ветер шевелил все живое на что попадал мой взгляд. Ветки деревьев повсюду шевелились не от ветра, их колыхали именно птицы, мои спасатели, спасатели всех людей на свете. Я так мало обращал на них внимания. Такие крохотные, свободолюбивые существа, неудивительно, что они прячутся, им дарована свобода. Почему именно им, невидимкам для людей и всех наземных обитателей, самой природой позволено петь?

С самого раннего утра они начинают свои дифирамбы так звонко и уверенно, что не только другие птицы, но и человек восхищается этим. Я слушал беспрерывно на протяжении полутора часов. Завороженный и сосредоточенный наблюдал, как они летят все дальше от меня к другому, как и я нуждающемуся в их пении.

Потом я проведя ладонью по щеке, понял, что моя новая, чужая часть лица еще не ожила. И в тот же миг мозг скушает, он становится на задние лапы и пытается ее заполнить. Так кому же скучно? Я вроде только что лежал и страдал, мне хочется отдохнуть. Но все же я несколько раз поерзал, помялся, и моя нога учуяла форменную пачку.

Прямоугольная, до боли знакомая. Вредная, гнусная пачка гадостей.

Но это оказался параллелепипед.

Вот так совпадение!

Однако среди всего этого феерического набора страстных, колких и ожидаемых чувств таился мрачный факт: зажигалки или спичек не было.

Единственным решением оставалось привлечь постороннего наблюдателя, случайного прохожего, кого угодно - лишь бы втянуть в мой мир. Необходимо было добыть огонь. Мозг начинал скрипеть шестеренками, пытаясь зарядиться долей химически пропитанного никотина.

Мне так хотелось найти хоть кого-то из людей, я быстро достал сигарету из пачки и положил ее за ухо. Я метался по улице взад вперед, докучая разным мужчинам и женщинам. Они были настолько разными, что мне казалось, будто я скачу по социальным ступеням, как ростовщик, пытающийся содрать лишние проценты то с бедняка, то с вельможи.

Конечно, скакать пришлось и по соседним улицам.

Мой мозг уже наливал вены с неистовой скоростью. Руки тряслись, а язык не мог вымолвить ни слова. Дыхание участилось, глаза налились кровью. Напоминаю вам: все это время я не чувствовал своего языка. Слюни текли по онемевшей части лица, я старался кусать язык, чтобы быстрее вернуть к себе чувства, и я был больше похож на больного, чем на человека.

Я поворачиваю за очередной угол следующей улицы - и тут пронзительный крик вливается в меня.

Несколько девушек кричали, закрывая лица руками. Окаменевшая толпа людей стояла в одном месте, одетая во все черное. Я замер, пытаясь сообразить хоть что-то, и ненароком оказался у самого края этой толпы. Десятки людей стояли и рыдали. Самые стойкие просто смотрели вниз.

Я всего лишь зашел за очередной угол, а там оказалось то, что заставило меня остановиться и забыть обо всем: зачем я куда-то торопился, сломя голову, опрашивал прохожих, походил на сумасшедшего, зачем мне огонь.

Мой поток неосознанной глупости прервался внезапно протянутой зажигалкой.

- Держи. Тебе все равно нужнее, - сказал голос рядом со мной.

Это оказался седовласый кавказец с карими добрыми глазами и уставшими опустившимися уголками губ. Мне не хватало ни времени, ни сил рассмотреть его в точности, лишь лицо.

Я потянулся в карман, вытащил сигарету, поджег ее и посмотрел на всех вокруг себя. Никаких мыслей, хотелось просто смотреть и все. Я даже не знал, где нахожусь и что происходит. Разумеется, догадывался, почему люди гурьбой стоят и молча кивают в пространство.

Умер человек.

Вот так: пока я готовился к очередной маленькой боли, пока жаждал встречи то со стоматологом, то с птицами - умирал человек. Может добрый и нужный этим людям, добрым людям, спасшим меня от безумия и странствий по улицам этого города.

Как оказалось, я подошел к самому завершению мероприятия. Люди начали грузиться в старые черные минивэны. Одинаковые группы, опустошенные черными одеждами, заполняли улицы и постепенно подталкивали к двери машины.

Я пытался сопротивляться. Не хотел ехать на прощание с этими людьми. Я даже не видел, кого хоронят. Кто этот человек? Мужчина или женщина? Может ребенок? Какое отношение имею к этому покойнику?

Какое-то горестное чувство долго завладело мной. Конечно, я не знал этого человека, и надо было решительно отказаться. Просто выскользнуть из толпы и раствориться в воздухе так же естественно, как и появился. Но как раз решительности мне и не хватило. Скорбь и сострадание этим людям сейчас важнее какого-то моего нехотения.

По великому стечению обстоятельств, загнанный людьми, я оказался в самом укромном уголке этого душного минивэна - такого же черного внутри, как и снаружи, рядом с ребенком четырнадцати лет.

Но он не был маленьким мальчиком, что рассматривает лицо незнакомого человека рядом с собой и с интересом тянется ладонью, чтобы потрогать. Его не волновало ничего вокруг: ни толпа этих людей, ни духота автобуса, ни незнакомый человек. Он лишь смотрел в пол, полностью ушедший в свои мысли, погруженный в отчаяние.

Не отвечая зову ни одного из органов чувств, он только бродил в воспоминаниях. Быть может, пытался нащупать органы чувств тех далеких лет, которые мелькали в его голове.

Мы уже ехали минут двадцать. Меня периодически то прижимало к сидению, то выбрасывало вверх, словно водитель хотел вытрясти из меня остатки анестезии и привести меня в чувства. Все это время мои глаза в окне видели только проселочную дорогу: никаких опознавательных знаков, остановок, людей, никаких следов цивилизации - лишь лес и ухабы.

Деревья стояли по обе стороны так плотно, словно охраняли эти места и людей. Солнце почти не пробивалось сквозь их крону, от этого в машине становилось еще темнее. Но воздух из окон был настолько чистым и свежим, будто это место специально оторвали от города.

Машину трясло, людей кидало из стороны в сторону, но никто не возмущался. Никто не шутил, не попросил водителя ехать осторожнее, не жаловался на дорогу. Их задача была сидеть. Просто сидеть, будто жизнь действительно идет по строго выверенному пути и отклоняться от него нельзя даже на ухабе. Разговоры о погоде или чем-то отвлеченном были неуместны, даже скорбеть надо было молча. Как будто только так отдается дань уважения мертвым.

Я всё пытался сообразить, что скажу, если меня вдруг спросят. Кто я? Откуда взялся? И как забрел в их похоронную бригаду? «Здравствуйте, я случайный человек с онемевшей половиной лица, которому ваш родственник - или не родственник - великодушно дал прикурить,

после чего меня по ошибке затащили в транспорт». Звучало неубедительно и глупо. Правда всегда звучит глупо.

Рядом сидел тот самый юноша. Он почти не двигался, но всегда возвращался обратно в прежнее положение так механически непривычно. Он был больше похож на неваляшку, чем на человека. Я еще не видел, чтобы человек так сильно прижимал руки к телу, словно боится стать частью этого мира.

Мне хотелось сказать ему что-нибудь - что-то простое, человеческое. Но мой язык всё ещё был чужим, не моим, а главное - я не имел права. Не имел права находиться рядом с этим мальчиком, в этой машине, среди этих людей, внутри их горя. Я был занесен сюда случайным сквозняком, нелепым стечением обстоятельств глупости своего горя - в горе незнакомых мне людей, какой кошмар.

Деревья стояли по обе стороны так плотно, словно охраняли эти места и людей. Солнце почти не пробивалось сквозь их крону, от этого в машине становилось еще темнее. Но воздух из окон был настолько чистым и свежим, будто это место специально оторвали от города.

Пока я искал в голове хоть одно допустимое слово, мы приехали.

Люди начали потихоньку выползать наружу. Сперва подавали руки старикам, потом выпускали женщин, потом кто-то долго искал сумку, кто-то просто сидел ещё несколько секунд, словно не мог договориться с ногами. Не только молодые хоронят старых. Иногда старые тоже стоят у дверей и ждут, пока их выпустят.

Я остался последним. В некотором смысле мне повезло: на последних редко обращают внимание. Последний всегда может быть чьим-то старым коллегой, соседом, человеком, которого все вроде бы видели, но никто не помнит где.

Мальчик уже стоял на улице и разговаривал с водителем. Или, скорее, водитель говорил с ним, а он кивал.

Пора было выходить и мне.

Стоило моей голове высунуться из двери, как я тут же оказался в тесном дворе. Посреди забытого богом места, где нет ничего. Это нельзя было даже назвать пространством. Казалось, что если поставить ногу на землю - обязательно отдавишь кому-нибудь пальцы.

Передо мной стояла низенькая бабушка, опиравшаяся на деревянный костыль. Она не рассматривала людей или дом, не искала никого глазами, не задавала вопросов. Просто стояла. Она ждала не нас, а продолжения давно известного ей порядка вещей. Она точно ожидала оказаться здесь. В этом совсем знакомом месте. В обычном месте. В месте, где тоже есть смерть.

Дом был скромный, с небольшим двором и ветхим забором, который держался из последних сил, как и большинство людей вокруг. Его явно перестраивали не так давно: в нём было что-то аккуратное, сделанное по уму, но без вычурности или пафоса. Два этажа, краска странного оттенка - то ли ультрамаринового, то ли зеленоватого. Солнце в этот день долго не могло решить под каким углом ему падать на фасад этого дома, поэтому я решил оставить неразгаданной эту тайну. Между этажами тянулась белая декоративная прослойка, а на ней, к моему полному недоумению, красовался миниатюрный лепной медведь с растопыренными лапами.

Медведь выглядел нелепо. Будто кто-то когда-то выбирал его в магазине, держал в руках, советовался с близкими, смеялся, представлял, как он будет смотреться на фасаде. А может быть это герб старинного и знатного рода, который веками служит символом чести и богатства фамилии здешних мест. Какая правда вам милее, ту и выбирайте.

Крыша дома была собрана из черепицы. Обычный дом построенный с щепоткой самых разнообразных специй, чтобы можно было зацепиться глазу.

Единственное, что было неудобно, - мой высокий рост. Стоило мне выйти, как я сразу стал заметнее, чем хотел. Резко над головой я увидел несколько десятков ворон, они почти все молчали, смотрели в нашу сторону и не каркали. Среди сгорбленных плеч, поникших и опущенных голов, я торчал нелепой запятой глядя на них, почему эти птицы словно знают, куда

им прилетать? А может птицы после больницы мне не пели, а предупреждали ворон, где им находится сегодня? Где им искать меня?. Поэтому пришлось пробираться в сторону, к левому краю двора, туда, где было меньше людей и больше возможности притвориться деревом, забором, случайным столбом - только не человеком.

Я крался уже несколько минут, и вот когда я дошел, на меня уставился тот самый мальчишка.

- Вы тоже знали моего папу? - спросил он вдруг. - По-моему, я его знал хуже всех. Столько людей, коллег, друзей... Большинство я впервые вижу.

Он говорил спокойно. Как будто еще не понял, какие чувства и эмоции, он должен испытывать.

Я сглотнул, но язык всё ещё был чужим.

- Нет. Я оказался тут случайно. Просто... решил вас поддержать.

Ложь была почти правдой.

Мальчик смотрел на меня не отводя взгляда. Черноволосый, худой, всего на голову ниже меня, но в эту секунду он казался старше большинства людей во дворе.

- Знаете, мне почему-то легче, что вам не всё равно, - сказал он. - Или потому, что я вас не знаю.

Я не успел ответить.

Чужая рука из толпы выхватила его куда-то вглубь.

- Пошли, пошли, - крикнул женский голос.

И я снова оказался один в этом многообразии чёрных одежд, платков, спин, чужих плеч и чужих родственных связей. Людей приглашали пройти за стол. Толпа медленно потянулась к длинному и узкому столу, накрытому во дворе. На нём уже стояли тарелки, хлеб, зелень, бутылки, какие-то миски, стаканы - всё то, что живые ставят перед собой, когда не знают, чем ещё заполнить пустоту после смерти.

Мне не хотелось идти. Я снова достал сигарету, поднёс её ко рту и уже успел затянуться, как чья-то рука выхватила её у меня из губ.

- Нет, мой друг, здесь бычки кидать некуда. Ты лучше проходи за стол.

Это был тот самый седовласый мужчина с улицы. С суровым, усталым лицом, в котором почему-то было больше доброты, чем во всех моих сегодняшних попытках быть приличным человеком. Он потушил огонь прямо в ладонь, будто это была не сигарета, а надоедливая мысль.

На нём была тёмная сорочка, из-под пиджака виднелись манжеты. Без галстука. Без лишней торжественности. Его брови хмурились сами по себе, независимо от выражения лица, он быстро отряхнул руки и уже мягко, но настойчиво пыталась проводить меня к столу.

- Да нет, мне стыдно, - сказал я. - Я только хотел выразить соболезнование. Тем более я после стоматолога. Есть всё равно нельзя.

Он посмотрел на мою щёку, потом на мои губы, которые, вероятно, всё ещё жили отдельной жизнью, и вдруг чуть заметно усмехнулся.

- Тогда выпьем.

- Мне тоже, наверное, нельзя.

- Тогда просто поддержишь.

Он налил две рюмки. Одну протянул мне. Я взял её осторожно, будто в ней была не водка, а право находиться здесь ещё несколько секунд. Мы отошли чуть в сторону, к забору. Оттуда было видно двор, стол, людей, мальчика, который теперь стоял рядом с какой-то женщиной и снова смотрел не на неё, а куда-то внутрь себя.

- У тебя доброе сердце, - сказал мужчина. - Не растрать его понапрасну.

Я хотел возразить. Сказать, что никакого доброго сердца у меня нет, что я просто искал зажигалку, что попал сюда по ошибке, что весь мой сегодняшний путь - это цепочка глупости,

боли, никотина и слабой воли. Но рюмка в руке холодила пальцы, лицо ещё не до конца слушалось, а слова опять застряли где-то между языком и стыдом.

Мы тихо подняли рюмки. Казалось этого было достаточно.

Столько горькости в этом маленьком стакане, но все равно ее мало, чтобы переживать этим людям.

Потом он проводил меня к воротам. Не торопил, не спрашивал, кто я, не пытался узнать лишнего. Просто проводил, как провожают человека, который случайно вошёл не в ту дверь, но всё равно оказался не совсем чужим.

За воротами воздух был другим. Слишком свободным после тесного двора. Я вызвал такси и, пока оно ехало, скурил около трёх сигарет, хотя каждая давалась с трудом: онемевшая губа всё ещё не хотела держать фильтр, язык жаждал хоть каких-то перемен от смолы и сухости, вкуса уже не было, как и других приятных ощущений, только какие-то нужные, странные, может ненастоящие.

Когда машина наконец подъехала, я сел на заднее сиденье и впервые за весь день понял, что птиц больше не слышно.

Или я больше не слышу.

.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.